

НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ!

ОФИЦЕРЫ

★ ИВАН ЧЕРНЫХ ★

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

Иван Васильевич Черных

Шаровая молния

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440445
Шаровая молния: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-44357-4

Аннотация

Капитан авиации в отставке Геннадий Голубков летал на бомбардировщиках, воевал в Чечне. Да вот отвоевался – списали его подчистую, подвели под массовое сокращение летного состава ВВС. Что делать боевому офицеру? На дворе лихие времена, в цене лишь деньги и беспринципность. Но нашлись те, кому нужны профессионалы. Голубкова наняла крупная предпринимательница Лана Чудороднова – молодая, красивая и энергичная бизнесвумен. У летчика и его хозяйки возникает бурный роман. Однако их счастье обрывают неизвестные злоумышленники, убившие Лану. Голубков не может оставить негодяев ненаказанными. Он начинает охоту на убийц...

Содержание

ВИЗИТ ГЕНЕРАЛА	4
ГЕННАДИЙ ГОЛУБКОВ	7
ОРДЕНОНОСЦЫ	8
В РЕСТОРАНЕ	10
ПРОШЛОЕ	12
НЕЖДАННАЯ ВВОДНАЯ	14
ПО ДАЛЬНЕМУ МАРШРУТУ	15
НЕОПОЗНАННЫЙ ОБЪЕКТ	18
16 АВГУСТА В ЧЕЧНЕ	20
НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА	23
НЕЖДАННОЕ	26
ЧУЖАЯ ЖЕНА	29
ИЖЕВСК	31
ВЛАСТЕЛИНА	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Иван Черных

Шаровая молния

ВИЗИТ ГЕНЕРАЛА

Эскадрилья бомбардировщиков приземлилась на давно обжитом аэродроме близ города Бутурлиновка, который пилоты полюбили за тишину, обилие продуктов, особенно фруктов и овощей, сравнительно недорогих после Гудермеса, Моздока, Ставрополя. На аэродроме летчиков встречали командир дивизии полковник Алферов и представитель из штаба ВВС генерал-лейтенант авиации Дмитриюков, высокий, с гренадерской выправкой, лет пятидесяти, симпатичный, уверенный в себе, с твердой, решительной походкой. Минуту спустя на стоянку подъехали и местные городские начальники, которых капитан Геннадий Голубков встречал здесь не часто.

После того как последний самолет зарулил на стоянку и бомбардировщики выстроились, как на параде, комэск подполковник Сеницын подал команду строиться. В считанные минуты летный и технический состав стояли напротив командирской машины, расправив по-военному грудь и вытянувшись в струнку. Генерал, за ним полковник прошлись вдоль строя, вернулись на середину.

– Здравствуйте, доблестные авиаторы! – зычно поздоровался Дмитриюков. – Поздравляю вас с возвращением, с успешным выполнением боевых задач.

– Здравия желаем, товарищ генерал-лейтенант! – слаженно гаркнул строй.

– Многие из вас уже получили заслуженные награды, – продолжил генерал, – другие получают в скором времени. Никто не забыт, ничто не забыто. Сегодня вечером в честь вашего возвращения в городском клубе состоится торжественный вечер с концертом, небольшим застольем и танцами. Не возражаете? – с улыбкой пошутил строгий генерал.

– Нет! Нет, – нестройно и не очень уверенно раздалось в ответ.

– Вот и отличненько, – кивнул генерал. – Зачехляйте самолеты – и по домам. Отдохните, почистите свое парадное обмундирование, погладьте – и в девятнадцать ноль-ноль ждем вас в клубе...

– Неплохо придумал генерал, – похвалил представителя штаба ВВС штурман Василий Захаров, шагая с аэродрома рядом с Геннадием. И глубоко вздохнул. – Только не очень-то хорошая весточка просочилась нашим технарям: наша отдельная АЭ якобы тоже попала под сокращение.

– Чушь! – не поверил Геннадий. – Лучшая бомбардировочная эскадрилья во всех ВВС и – под сокращение?! Кто ж тогда из гор будет выкуривать бандитов? Считаешь, мы всех уничтожили?

– Не считаю. Сам слышал вчера в последних известиях, как террористы в Дагестане пытались уничтожить штаб МВД. И, несмотря на это, Указ Президента о сокращении Вооруженных Сил не отменяется.

– Ну, Вооруженные Силы – это не наша отдельная эскадрилья, – стоял на своем Геннадий. – Думаю, кто-то специально распускает сплетни, чтобы испортить нам настроение.

– Дай-то бог, – снова вздохнул штурман.

– Да и что тебя взволновали чьи-то бредни? Домой вернулся живым и невредимым, с женой, дочкой встреча ждет. Должен радоваться, а ты будто на каторгу идешь.

– На каторгу, – грустно усмехнулся Василий. – И в самом деле. Не радует меня эта встреча. Я рассказывал тебе, как мы живем. И не знаю, как дальше будем жить. Жаль дочку, она милая, хорошая. Загубит ее маманя.

– Да, серьезная проблема, – согласился Геннадий. – Вот потому и не спешу я жениться. Обжегся, как говорится, один раз на молоке, теперь и на холодную воду дую.

Оба замолчали. Мельком в воображении Геннадия промелькнула его первая любовь Тоня, сразу сменившаяся почему-то Мусей, женой Василия. Когда лейтенант Захаров привез свою суженую в гарнизон, только и разговору было, что о красоте девушки. Многие офицеры и их жены удивлялись, как могла такая очаровательная куколка полюбить довольно ординарного и невзрачного офицера. Василий и в самом деле не выделялся ни лицом, ни статью: белокурый, среднего роста, с серыми глазами под широкими густыми бровями. Большой рот и мясистый, чуть курносый нос. В общем, ничем не приметный парень.

Лейтенанта назначили летчиком-штурманом в экипаж Геннадия. Они быстро сдружились, и командир в первых же полетах отметил незаурядные летные качества лейтенанта. И по характеру Василий оказался добрым, услужливым человеком, который не отказывался помочь любому и в любом деле. Вот за это, наверное, и полюбила его черноокая, чернобровая, с точеной талией и неподражаемо стройными ножками девица.

Василий подробно рассказывал, как он женился, как Муся после рождения дочери будто переменялась, стала помыкать им, капризничать и вымещать на нем свое плохое настроение и злобу.

– ...С этим я еще кое-как мирился, – рассказывал Василий. – Но самое главное, что меня возмущало, это ее жадность, нечистоплотность. Я удивлялся: откуда это? Росла в многодетной семье (пятеро детей), отец труженик, работал проводником пассажирских поездов, почти не бывал дома, зарабатывая детишкам на пропитание; мать – домохозяйка, от темна до темна занимающаяся приготовлением еды, стиркой, уборкой. Старшая дочь вышла замуж, и теперь старшей осталась Муся. Она помогала матери, ухаживала за младшим братиком, которому пошел второй годик. Одним словом – труженица. И то, что она после семилетки никуда не поступила, меня не обескуражило: в семье летчика хозяйка должна быть, а не барыня. Помнишь, как у Пушкина старик Дубровский ответил Кириллу Петровичу: «Бедному дворянину... лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки». Вот тот постулат и запомнился мне, стал моим идейным талисманом; выбрал я полуграмотную, работающую дивчину. А тут вдруг выясняется, что она стала припрятывать от меня деньги, – я отдавал ей всю получку, оставляя себе гроши на мелкие расходы, а она и их умыкала из кармана. Не очень-то заботилась о моем питании, когда летная столовая не работала; равнодушно относилась к моим делам, моей внешности. Однажды мы сильно поссорились. Я собирался на ночные полеты, а она хотела заняться стиркой пеленок. Мы жили на частной квартире у старика и старухи в небольшой комнатенке с верандой. Было лето, жаркий солнечный день, и я предложил Мусе заняться стиркой на улице. Она вспылила, забрала дочку и, бросив ванну с пеленками, ушла к подружке. Я тоже психанул: как отдыхать, когда в комнате вонь? Тоже собрался и ушел из дома. Хорошо, что в ту ночь полеты не состоялись, и мы с другом Виталием Кононовым зашли в бар городского парка. Выпили, разумеется, потом и на танцплощадку потянуло. Там я познакомился с еще одной красоткой, теперь блондинкой, Диной. Утром с Мусей состоялся крутой разговор. Я предложил ей, если разлюбила, ехать к родителям в Армавир. Она уехала. Я встречался с Диной, просто от скуки, ничего серьезного не планируя и ничего девушке не обещая. Был уверен, что Муся одумается и родители вразумят ее. Я любил ее. Вскоре получил от жены письмо с покаянием и просьбой простить. Учебный год подходил к концу, топлива на полеты не было, и мне предложили очередной отпуск. Я поехал в Армавир. На перроне меня встретила Муся с девочкой, и когда увидел малышку, бледненькую, худенькую, у меня сердце сжалось от жалости. В общем, я простил, и мы снова стали жить вместе. Но узел остался, и как его развязать, я не знаю...

Автобус довез летчиков до центральной площади, и Василий пошел к своей мучительнице на квартиру, а Геннадий – в гостиницу, построенную специально для одиноких офицеров.

ГЕННАДИЙ ГОЛУБКОВ

Геннадий жил в двухместном номере с коллегой, старшим лейтенантом Соболевым, неплохим летчиком, тоже побывавшим на Северном Кавказе, три месяца назад раненным осколком ракеты «Игла». Николаю здорово повезло: ракета взорвалась, столкнувшись с тепловым снарядом, метрах в пятидесяти от бомбардировщика; и летчику, раненному в ногу, удалось дотянуть на поврежденной машине до своего аэродрома, благополучно приземлиться. Соболев был отправлен в госпиталь в Моздок, подлечился там и за три дня до возвращения эскадрильи на свой аэродром получил приказ комэска ехать в Бутурлиновку.

Николай встретил Геннадия радостным приветствием: «Ну, слава богу!» и обнял по-братски. Выглядел он бодрым и энергичным, совсем не таким, каким видели его в Чечне после ранения. Ожил парень!

– Как твоя нога? – поинтересовался Геннадий.

– Заросло, как на собаке. Могу теперь танцевать и снова летать. – И вдруг потупился, раздумывая, говорить или промолчать? Глянул испытующе на Геннадия и решился: – Только, похоже, вряд ли нам придется продолжить нашу летную службу. Знаешь, зачем прилетел генерал из Москвы?

– Догадываюсь: вдохновить нас на новые подвиги, – пошутил Геннадий.

– Вот и нет, – возразил Николай. – Говорят, наша эскадрилья попадает под сокращение. Вот и прилетел генерал, чтобы подготовить личный состав...

– От кого такая новость?

– Да тут только и разговоров, что о сокращении. И, судя по выступлениям некоторых политических деятелей и самого министра обороны на телевидении и в печати, слухи – не бабские сплетни.

– Поживем, увидим, – новость не обрадовала Геннадия.

Правда, и возвращение в Бутурлиновку не сулило ему ничего приятного: городишко хотя и тихий, но очень ординарный, скучный. Вечером некуда пойти. Слухи о сокращении Вооруженных Сил и ранее будоражили летчиков; в Чечне, слушая радио, тоже об этом говорили. Геннадий не понимал, почему, какая цель у правительства? Кризис, не хватает средств? А в других странах? Америка, самая богатая страна, вынуждена продавать заводы, концерны. А на армию тратит больше всех государств, вместе взятых. Создает более совершенное оружие, увеличивает свои Вооруженные Силы, посылает их в Афганистан, Ирак, Пакистан. Франция обогнала нас по количеству и качеству автомашин, кораблей, самолетов. Докатились: вынуждены покупать у нее «Рено», «Каравеллы», «Миражи». Корейцы и китайцы превзошли нас по технологии. Сколько же еще будем катиться вниз? И что даст сокращение армии? Массовую безработицу, падение престижа на мировой арене?.. И куда он, Геннадий Голубков, Николай Соболев, Василий Захаров пойдут работать?.. Об этом даже думать не хотелось.

Геннадий в сердцах сбросил летное обмундирование и достал из шифоньера парадный костюм. Николай с удивлением наблюдал за ним. Не выдержал:

– Ты куда это?

– А ты не знаешь? В честь нашего возвращения командование и местное начальство дают в клубе бал. Собирайся. Тебе орден вручать будут...

ОРДЕНОНОСЦЫ

Фойе клуба было в праздничном убранстве: на стенах развешаны плакаты, цветные фотографии лучших летчиков эскадрильи, вырезки из газет и журналов с портретами героев и описанием их подвига. Около портрета старшего лейтенанта Соболева Геннадий остановился, глянул в глаза летчика. Пошутил:

– А ты и не знал, что тебя здесь повесили?

– Слава богу, что не меня, – усмехнулся и Соболев. – Я же только вчера прилетел из Моздока и нигде еще не был. Говорили, что эскадрилья возвращается на свой аэродром, а когда? – Пожал плечами. – Мой самолет кто перегонял?

– Сам генерал Дмитриюков. Долго его латали, но сделали на совесть. Дмитриюков облетал и поблагодарил техников.

– Все равно не летать на нем больше, – глубоко вздохнул Николай. – Есть приказ главного перегнать наши «сушки» в Комсомольск-на-Амуре то ли на модернизацию, то ли на переплавку.

– Значит, получим новые самолеты, – стоял на своем Геннадий, не веря слухам. – Разве могут быть наши ВВС без таких асов, – кивнул он на портрет, – как Соболев, Захаров, Конов, Шулайкин?

– Голубков, – дополнил Николай. И повел друга к другому плакату, под которым висела вырезка из журнала о капитане Голубкове, снайперски поразившем в горах два транспорта с оружием боевиков. – Видишь, и тебя не забыли.

– Когда это было. А ты не слышал, что я разбомбил ту хатенку, из которой тебя подстрелили, и что меня ожидает за тот подвиг?

– Нет. Ты серьезно?

– Серьезнее не бывает. Зарубежные газеты отыскивали где-то четыре трупа: двух пацанов и мужчину с женщиной, положили у разрушенной той хатенки и обвинили российских летчиков в варварстве и бессердечии. Некоторые и наши правозащитники провякали по радио. Синицын и без того косо на меня поглядывал за строптивость, теперь и вовсе пригрозил разобраться по всей строгости. Видишь, и портрет мой с Доски отличников слетел.

– Дела! – помотал головой Николай. – Неужто и он стал таким правдолюбом, что простых истин не понимает?

– Посмотрим. Идем в зал, там уже полно народа.

Действительно, в зале яблоку негде было упасть. Пришли не только летчики, авиаспециалисты и их семьи, но и их друзья, знакомые. Весть, что прилетел генерал из Москвы и будет выступать, быстрее звука облетела небольшой городок, многие пришли, чтобы услышать что-то новое: положение в стране в связи с кризисом напряженное и неизвестно, чего ожидать.

Первые ряды были уже заняты, и Геннадий с Николаем отыскивали места на галерке. Невдалеке увидели Василия Захарова с его красавицей Мусей. Они обменялись взглядами, Муся даже с улыбкой помахала Геннадию и Николаю рукой.

– Чертовски красивая баба, – сказал Николай.

Геннадий кивнул, но подумал совсем другое: холодная красота с льдинками в глазах, в которых больше равнодушия, чем доброты. А судя по рассказам Василия, эгоистичная и недалекая женщина. Одета красиво, броско, но безвкусно: ярко-оранжевая блузка с огромным вырезом, обнажавшим плечи и округлости выпуклых грудей. Брови, ресницы, губы сочно поблескивают в лучах люстры. Глаза сияют, словно Муся попала на представительный бал, на котором только ей оказывается внимание – на нее действительно заглядывались многие. А Геннадию вспомнились глаза Тони, первой любимой девушки, с которой он познако-

мился в парке культуры, где девушки-студентки выступали на спортивных соревнованиях. Она тогда вышла победительницей по художественной гимнастике. Ее поздравляли подруги, сокурсники, тренер, довольно молодой и симпатичный мужчина.

Геннадий впервые видел эту голубоглазую спортсменку с прямо-таки точеной фигурой, стройными ногами, веселым, привлекательным личиком. И так захотелось познакомиться с ней...

Голос командира эскадрильи подполковника Синицына прервал его воспоминания: сцену заполнили представители городской мэрии с генералом Дмитриюковым, начальником штаба Штыркиным и кадровым работником Дехтой.

– Внимание, товарищи! – перебивая шум в зале, сказал Синицын. – Сейчас перед вами выступит представитель Главного штаба ВВС генерал-лейтенант авиации Дмитриюков и расскажет о последних событиях в стране, оценит положение дел нашей эскадрильи и вручит отличившимся на Северном Кавказе летчикам боевые награды.

Зал мгновенно затих, будто все замерло.

Генерал вышел к трибуне.

– Дорогие товарищи! Во-первых, поздравляю всех с возвращением личного состава эскадрильи на свой аэродром. С возвращением из непростой, нелегкой командировки, где вашим близким, мужьям, отцам, друзьям пришлось выполнять боевые задания, пройти, как говорится, сквозь огонь и дыхание смерти. Но они преодолели все невзгоды, успешно выполнили боевые задания и вернулись победителями. Я еще раз вместе с вами поздравляю их. – Генерал обвел зал взглядом, помолчал. – Многие из вас, наверное, подумали: надолго ли спокойствие? В гарнизоне прошел слухок, будто реорганизация, проводимая в наших Вооруженных Силах, непосредственно касается и вашей эскадрильи. Мне уже задавали этот вопрос. Скажу откровенно: мне пока об этом ничего не известно. То, что техника, на которой летали ваши летчики, устарела и требует замены, – одно из главных указаний министра обороны. Вы об этом слышали и все понимаете. Значит, получите новые, более современные и более грозные самолеты. Время ныне хотя и мирное, но, как завещали нам предки, порох всегда надо держать сухим и оружие в боевой готовности. А теперь разрешите отличившимся при выполнении боевых задач летчикам вручить заслуженные награды. Заверяю вас, что весь личный состав эскадрильи заслуживает награды; некоторым мы уже вручили, а некоторым вручим сейчас.

Генерал подошел к столу, где командир эскадрильи уже раскрыл папку с бумагами и коробку с орденами, медалями, взял у подполковника Указ о награждении и стал называть фамилии отличившихся летчиков. Когда он произнес фамилию старшего лейтенанта Захарова, Муся аж взвизгнула от восторга и, подскочив, поцеловала мужа в губы. Зал загудел от хохота и комментариев. Василий, смущенно опустив голову, направился к сцене. Далее все шло более обыденно и прозаично. Авиаторы уже искоса поглядывали на дверь, ведущую в соседний банкетный зал, откуда чуткий нос улавливал аппетитный запах деликатесов.

В РЕСТОРАНЕ

Геннадий оказался за одним столом с Соболевым, с ними – Захаров с Мусей. Пассия Василия продолжала торжествовать, одаряя сослуживцев мужа улыбкой. На Геннадия она поглядывала робко, виновато, будто командира Василия обошли орденом и медалью из-за него или из-за нее. Геннадий знал, что его не представили к награде, хотя заместитель по воспитательной работе майор Фирсов серьезно отстаивал его кандидатуру. Но Сеницын был непреклонен:

– Кто ему давал команду бить по жилому дому? На весь мир ославил эскадрилью!

– Вы же сами знаете, что это бандитский дом. Именно из него подбили самолет Соболева и ранили летчика.

– А снимки в газетах говорят другое.

– Вы верите им?

– Спроси у начальства, – огрызнулся Сеницын. – И кончай мозги мне пудрить. Не обеднеет твой Голубков. Прошлый раз орден Мужества отхватил...

Комэск, в какой-то мере, был прав. Да, в прошлую командировку Геннадия за уничтожение двух транспортов с оружием боевиков наградили. Но то было другое боевое задание. А бандитское гнездо – это не менее важный и опасный боевой объект. И дело вовсе не в ордене или медали. Вон с каким вождением смотрят женщины на награжденных. А от него даже Муся отворачивается.

Между тем Василий обязанности тамады за столом взял в свои руки: откупорил бутылку с вином и налил Мусе полную рюмку, затем распечатал «Смирновскую», наполнил мужские «стопарики» – и где только Сеницын добыл такую крохотную посуду, – чтобы генерал не подумал о пристрастии летчиков к этому зелью; а едва Дмитриуков произнес тост «за возвращение, за боевые дела», дополнил: «И за нас. За удачу, за победу и за безаварийность!»

Пиршество длилось около часа, но и за это время, кто любил спиртное, успел крепко поднабраться. В соседнем зале заиграла музыка, и любители потанцевать устремились туда. За столами остались те, кто еще не созрел до нужной кондиции.

Соболев повертел головой и позвал Геннадия:

– Идем, там есть с кем потереться, видишь? – кивнул на соседний стол, за которым летчики Торгачев и Сиволап о чем-то пьяно дискутировали.

– Не люблю тереться о чужие задницы. Давай лучше в какой-нибудь ресторан заведемся.

– Точно. И я об этом подумал. В «Земледелец», там же моя Рената работает.

Николай вылил остатки водки в рюмки.

– По отходной.

Выпили и, не привлекая к себе внимания, удалились.

В «Земледельце» гулянье было в самом разгаре, хотя посетителей в этот вечер было не густо: молодых парней и девушек около десятка – отмечали чей-то день рождения, – четверка усатых кавказцев, пожилой мужчина с молодой, ярко крашенной брюнеткой, не иначе путаной, да два морячка, неизвестно каким штормом заброшенных на Бутурлиновскую землю. Капитаны второго и третьего ранга. Около них и суетилась пассия Николая Рената, мило улыбаясь симпатичному кавторангу.

Николай понаблюдав за своей возлюбленной и нахмурился. К их столу подошла другая официантка, спросила с улыбкой:

– Что будем заказывать, мальчики?

– Позови Ренату, – коротко и не особенно учтиво бросил Николай.

– Хорошо. – Официантка крутанула округлой попой и удалилась.

Рената не очень-то спешила на призыв прежнего любовника. Подошла с блокнотом в руках, готовая принять заказ. Поздоровалась.

Геннадий ответил, а Николай промолчал, набычил шею.

– Тебя кто-то обидел, Колюнчик? – мило пропела Рената. – Скажи кто, я ему...

Николай тяжело поднял голову, смерил злым взглядом свою пассию с ног до головы и, сверкнув глазами, выдал:

– Ты чего вешаешься каждому на шею, как последняя шлюха?

– Ты что, Коленька?

– Я видел, как ты улыбалась вон тому морячку.

– Ну, Коленька, – рассмеялась Рената. – Не думала, что ты такой ревнивый. Эта улыбка морячку стоила двести рэ.

– А с меня сколько возьмешь? – не унимался Николай.

– Ну что ты, дурачок. Тебя я сегодня, как и в прошлые разы, обслужу бесплатно. Что тебе и твоему другу принести?

– Бутылку водки и хвост селедки. Мы уже поужинали. С тобой пришел повидаться. Дуся сегодня работает?

– Да.

– Хочешь? – повернулся Николай к Геннадию.

Тот отрицательно помотал головой.

– Я очень устал и хочу быстрее добраться до кровати. – Слова Ренаты «эта улыбка морячку стоила двести рэ» воспринялась им как сказанная ему лично непристойность. – И пить больше не хочется, извини. – Встал и направился к выходу.

ПРОШЛОЕ

Во рту было горько и на душе так скверно, что он чуть ли не бежал от этого ресторана-забегаловки, где бессовестно обирали посетителей ненасытные путаны. И как Николай ложится с ней в постель? Раньше он рассказывал Геннадию о Ренате, хвалил ее: красивая, покладистая, страстная в постели; любит его и готова с ним хоть на край света. Однажды Геннадий видел ее, заходил с Николаем в ресторан выпить по стопке по случаю успешного окончания летно-тактических учений. Но тогда они недолго пробыли в ресторане – утром рано вставать на службу, – и Геннадий не успел составить хоть какое-то мнение о пассии друга. А сегодня! Надо же так откровенно при постороннем: «Эта улыбка морячку стоила двести рэ». Его снова передернуло от такого цинизма. И с подружкой хотела познакомить его. Не иначе, такая же хищница.

Геннадий надеялся быстро уснуть и забыть обо всем. Не тут-то было: Рената в белом фартуке и с подносом в руках стояла перед глазами. Невольно задумался: разве только Рената и ее подружка помешались на деньгах? А жена Васи Захарова, Муся! Вот женись после этого. И раньше он обжигался не раз на смазливых студентках, знакомясь на танцах; встречался, влюблялся и разочаровывался – оказывались ночными бабочками, как сами называли себя. И не потому, что были жадные, меркантильные, а из-за простой непорядочности – терпеть не мог вранья, лицемерия. А измену он вообще в мыслях не допускал и считал непростибельным преступлением. Не воспринимал этого и... чего опасался, на то и напоролся...

А ведь влюбился и души не чаял в своей Тонечке. Какая была милая, неотразимая, добрая и покладистая милашка. Поистине покладистая...

Он познакомился с ней в свой день рождения, 2 мая, когда ему дали увольнительную на целые сутки. С другом Николаем Мельничновым они гуляли по парку, где после демонстрации состоялись выступления самодеятельных коллективов и спортсменов, среди которых были студенты пединститута. Девушки, одетые в спортивные майки и трусики, взявшись за руки, слаженно и изящно демонстрировали гимнастическое мастерство. Среди них особенно выделялись две стройные и красивые студентки, блондинка и брюнетка. Геннадий с Николаем не спускали с них глаз. Девушки были не только хороши, но и отменные гимнастки, гибкие, пластичные и ловкие, как профессиональные акробатки.

Когда кончились выступления, курсанты подошли к спортсменкам, поздравили с праздником и похвалили за хорошее выступление. Познакомиться ближе помешал их физкультурный руководитель, вдруг появившийся около девушек с группой парней, тоже студентов. Геннадию и Николаю пришлось ретироваться. И все-таки они успели пригласить девушек в училище на танцы. Спустя две недели они увидели прекрасных студенток в Доме офицеров. Вот тогда и познакомились. Геннадий стал встречаться с Тоней, блондинкой, Николай – с Тамарой, брюнеткой.

Тоня ему понравилась, более того, он полюбил ее. И не только за красоту, за прекрасную фигуру: она была умна, находчива, добра и доверчива. Познакомила со своими родителями. Отец ее работал на железной дороге, мать – домохозяйка. Имелись еще старшая сестра, уже замужняя, очень похожая на Тоню...

Тоня после окончания пединститута получила назначение в село Гривки, что не так далеко от аэродрома, на котором заканчивал летную подготовку курсант Голубков. Геннадий не раз, когда летал на отработку техники пилотирования в зону, подворачивал к селу и крутил там «бочки», петли, перевороты, надеясь, что Тоня увидит самолет и догадается, кто это. Хотелось быстрее с ней повидаться.

Наступила осень. Курсанты закончили летную подготовку на учебно-тренировочном самолете и ждали комиссию по приему экзаменов по технике пилотирования. Начальство

должно было прилететь из Балашова. А его долго не было. Геннадий нервничал: осень – пора неустойчивая, со дня на день пойдут дожди, и тогда жди у моря погоды. Хотя близко моря и не было, но это не спасало от ненастья. А он уже настроился на отпуск, написал письма домой и Тоне: «Ждите, скоро приеду».

Наконец-то в октябре, закончив летнюю программу на учебно-тренировочном самолете, курсанты получили отпуск. Геннадий взял билет до Салтыковки, это в двух часах езды от Ртищева, и к полудню был на станции. А до Гривок, где обосновалась его возлюбленная, еще двадцать два километра. Никакие автобусы в то время не ходили. В письме Тоня обещала прислать за ним школьную лошадь, стоит только позвонить из Салтыковки. Что Геннадий и сделал. Тоня велела ждать на почте: туда каждый день выезжает Петр Кузьмич, почтальон, у которого она квартировала.

Геннадий дождался, и вечером был в Гривках.

Петр Кузьмич, занятый, словоохотливый мужичок лет шестидесяти, всю дорогу рассказывал о селе, о школе, расспрашивал о службе курсанта, о полетах. Геннадий сказал, что не раз кружил над их селом, и спросил, не видел ли он. Старик ответил, что, может, и видел, да самолеты мало его интересуют.

Еще на станции Геннадий купил бутылку водки, вино и кое-какую закуску. Вечером устроили небольшое застолье. Кузьмич добавил самогонки – выпить он был не дурак, – и, изрядно захмелев, блеснул еще одним талантом – под гитару спел несколько песенок. Особенно Геннадию понравилась: «Хоть бы ты, Пантелей, постыдился людей. Не пора ль за работу приняться. Промотал хомуты, промотал лошадей, видно, по миру хочешь скитаться...»

Голос у Кузьмича был довольно густой, сильный, а простецкие, сугубо мужицкие черты лица и манера держаться обиженным создавали впечатлительный образ Пантелея, обманутого и нелюбимого мужа.

За столом было пятеро: жена Кузьмича, полноватая, тихая и добрая женщина, Тонина подруга Тамара, завуч, года на два постарше Тони, симпатичная брюнетка, проживающая с ней в одной комнатенке, Кузьмич и Геннадий с Тоней. Все оказались простыми, без претензий людьми и быстро нашли общий язык, почувствовали себя свободно и раскованно. Пели, шутили и, несмотря на хмель в голове, выпытывали друг у друга сокровенное. Тоню все хвалили, у Геннадия расспрашивали, кто родители, как служится и что ждет впереди. Тамара старалась выпытать у него планы в отношении Тони. Геннадий отвечал уклончиво: далеко вперед не заглядывает, надо еще закончить училище. И что дальнейшее зависит от них обоих. Так на самом деле он и считал: Тоня – милая, доверчивая девушка, но будет ли верной женой, заботливой матерью...

Застолье затянулось за полночь. Первым к кровати потянулся Кузьмич. Жена пошла готовить постель, девушки убрали со стола; Тоня постелила Геннадию на кухне, где стояла кровать сына хозяев, который работал в геологоразведке и отсутствовал.

Геннадий, разумеется, не спал, ждал Тоню. Когда все утихло, она юркнула к нему под одеяло. Обняла и стала жарко целовать.

– Как отнесется Тамара к твоему визиту? – спросил он.

– Нормально, – ответила Тоня. – У нее тоже есть парень, работает в геологоразведке. Хотя он деревенский, но довольно интересный, начитанный. Мы хотели познакомить тебя с ним, но накануне его положили в больницу с аппендицитом...

На рассвете Тоня ушла в свою комнату. А утром Кузьмич отвез Геннадия в Салтыковку.

Жаль было расставаться с возлюбленной, но и оставаться у нее не имелось оснований: он еще не муж, финансов – кот наплакал, а Тониной учительской получки едва хватает самой на питание. Да и по родным он соскучился – два года не виделись... То, что после окончания училища он женится на Тоне, считал делом решенным.

НЕЖДАННАЯ ВВОДНАЯ

Три дня отдыхали летчики, если это можно назвать отдыхом: не ездили на аэродром, не готовились к разбору полетов, не составляли плановую таблицу предстоящих полетов. Просто приходили на службу, завтракали в летной столовой, обедали, просматривали свои летные книжки, дописывали недописанное в командировке, вели беседы со своими приятелями на далекие от служебных темы. В конце рабочего дня расходились по домам, частным квартирам, снятым у местных жителей.

Третий день прошел так же, как и прежние, хотя летчиков уже начал волновать вопрос о дальнейшей судьбе эскадрильи. Командир и его заместители только пожимали плечами: ждем, пока тихо.

И вот, когда личный состав эскадрильи настроился уже на покидание «военной коробки», дежурный вдруг объявил: «Всем собраться в клубе!»

Широкоскулое, с бледноватыми веснушками на щеках, лицо командира эскадрильи было напряженно и озабоченно. Когда все расселись в зале на скамейках, Сеницын вышел на сцену и, прочистив горло громким кашлем, заговорил глухо и надрывно:

– Итак, дорогие товарищи, мы еще до возвращения на свой аэродром знали, что скоро придется распрощаться со своими боевыми машинами. Да, они устарели и утратили те боевые качества, которые требуются в современном бою. Но они верно нам послужили, и, как бы там ни было, жаль с ними расставаться. А надо. Не буду томить вас загадками; сообщаю, что пришел приказ подготовить наши «ласточки» к перегону на завод, где их создавали и где будут реставрировать. Задача: с завтрашнего утра приступить к подготовке наших «сушек» к дальнему перелету.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – вздохнул сидевший рядом с Геннадием старший лейтенант Соболев.

– А дальше-то что? – задал вопрос самый пожилой летчик в эскадрилье Сергей Касаткин. Ему перевалило за тридцать восемь, и он давно ждал приказа на увольнение. Но Сеницын его ценил – летчик он был божьей милостью, в Чечне не одну бандитскую группу обнаружил в горах и уничтожил. Комэск всякий раз отстаивал летчика перед ретивыми кадрами.

– Дальше – загадывать не будем, – ответил довольно буднично подполковник. – Надо полагать, сразу нам никто новые самолеты не даст, а сколько придется ждать, проживем увидим.

Нерадостная перспектива. Но приказы вышестоящих командиров и начальников не обсуждают.

ПО ДАЛЬНОМУ МАРШРУТУ

Эскадрилья состояла из трех отрядов, по три самолета в каждом, плюс самолет командира эскадрильи. Итого 10 машин. 22 человека летного состава. Плюс – инженерно-технический состав. Но он не в счет, оставался на своем аэродроме.

Работа на аэродроме кипела от темна до темна, хотя осенние дни, довольно короткие, не давали особенно развернуться. На некоторых самолетах техникам приходилось трудиться и ночью. Через два дня инженер эскадрильи доложил командиру, что самолеты к перелету готовы.

Маршрут предстоял длинный, с тремя посадками на промежуточных аэродромах. А поскольку, знал командир, с топливом ныне проблемы, решил перелет осуществлять тремя группами, поотрядно. Первый отряд поведет сам, а замыкать перелет предстояло капитану Голубкову.

Геннадий был доволен: первые многое прояснят и с заправкой самолетов отрегулируют. Ему предстояло поднять отряд на третий день после взлета группы подполковника Синицына. Но осень есть осень. На третий день на аэродром надвинулся мощный циклон, полил дождь. И с промежуточного аэродрома близ Самары позвонил Синицын и распорядился ждать особых указаний: его группа еще не вылетает, нет топлива и неизвестно, когда будет.

Летчики толпились на командно-диспетчерском пункте и костерили почему зря вышестоящих командиров и начальников. Докатались, нет топлива на боевые самолеты! А если завтра война? Ничему не научили фашисты...

Не оставался равнодушным и Геннадий, хотя успокаивал себя тем, что с такими накладками летчики встречаются не впервые. Порою и в Чечне было не лучше: банды появлялись в горах, и с вылетом на их уничтожение шли непонятные переговоры, уточнения, согласования... А как перевернули все с ног на голову с его последним боевым вылетом! Похлеще, чем с Будановым. Будто он десятилетний мальчик, решил в войнушку поиграть. Ведь не раз докладывали Синицыну, что из той хатенки на окраине Бурнушки боевики стреляют по пролетающим самолетам; подбили «Су-24» Соболева, и Николаю несдобровать бы, если бы он не включил противоракетную систему. На повторный заход пошел лишь после того, когда «игла» была уничтожена тепловой противоракетой. И что Геннадию оставалось делать? Ждать, пока боевик еще кого-то подстережет? Вот и врезал по этой хатенке. А что туда притащили чьи-то трупы, так разве это проблема? Специально для иностранных журналистов. А Синицын... «Не плюй против ветра», – его давний девиз. В Самаре тоже, наверное, не очень-то проявляет требовательность... «Ну и хрен с ним, пусть сидит на чужом аэродроме, нам на своем лучше».

Правда, особенно лучше не было. Неизвестность, неопределенность всегда томили его. И теперь... Сидеть на аэродроме или в штабе части... Мало радости. А что поделаешь? Некоторые летчики и авиаспециалисты, несмотря на строгое указание быть на связи, уходят с аэродрома и по вечерам устраивают увеселительные попойки. До Геннадия дошли слухи, что его ведомый, Николай Соболев, накануне так поднабрался, что планшет с планом полета забыл в ресторане. На вопрос Геннадия, так ли это, выпучил глаза:

– Кто вам сказал? Пусть при мне повторит эту клевету.

Геннадий перед ответственным заданием не стал обострять отношения, просто предупредил Соболева:

– Дай бог, чтобы это было не так. Но если услышу еще что-то подобное, к самолету больше не подпущу.

Циклон побушевал над воронежскими степями два дня и двинулся на северо-восток. И Синицын сообщил из Самары: вылетают завтра, и аэродром готов принять очередную тройку...

Утреннее небо, промытое накануне дождями, сияло, как первозданная лазурь. И внизу дома, постройки, дороги казались милыми, игрушечными. Особенно деревья, позолоченные осенними холодами, радовали глаз и будто манили под свою сень. Солнце только взошло и ослепительными искрами сверкало в лужах, озерах, реках. Но с набором высоты краски быстро менялись, затушевывались дымчатыми завитушками, образующимися от прогрева земли, и небо становилось все ослепительнее, все ярче.

Геннадий вел самолет, отрывал взгляд от приборной доски и любовался пронесившимися внизу пейзажами. И мысли: как прекрасна жизнь, как здорово, что он стал летчиком, волновали его, поднимали настроение. А скоро эскадрилья получит еще более современные, скоростные, более грозные машины. И он, в недавнем прошлом сельский парнишка, будет управлять громовержцем, защищать от стервятников наше родное, прекрасное небо!

«А вдруг...» – невольно ворвалась в голову тревожная мысль. Обстановка в стране, в мире очень сложная. Кризис охватил весь земной шарик... Почему, отчего? Когда он учился в школе, да и в военном училище, о кризисе только в книжках читали, и то – в каких-то дальних капиталистических странах. А теперь... Керосина не хватает для боевых самолетов...

Аэродромная служба Самары встретила их, как и ожидалось, без радости. Выделили места для стоянки самолетов и велели ждать, пока для них подвезут топливо. Хорошо еще, что в местной гостинице для летчиков нашлись места.

Ожидание... Не зря умный человек сказал, что нет ничего хуже, чем ждать да догонять. Летчики изнывали от безделья, пытались скоротать время за шахматами, игрой в бильярд, но вскоре это надоедало, и они искали другого спасения от скуки: вечерами кое-кто пропускал в ресторане рюмку-другую водки. Предупреждения Геннадия вроде бы принимались, но... забывались. А он вынужден почти не отлучаться из номера, ждать команды на заправку самолетов, на вылет. Разные мысли лезли в голову, и зачастую нерадостные. Возмущали порядки в стране, точнее, беспорядки, отношение высших руководителей к армии, новые грядущие сокращения. Не исключено, что они коснутся и эскадрильи. Что тогда делать, чем заняться? Геннадий, как и его сослуживцы, кроме как летать, стрелять, бомбить, ничего не умеет. Правда, еще владеет приемами самбо, карате, некоторыми восточными способами борьбы, и в какое-то частное охранное предприятие его возьмут с удовольствием. Но разве это доставит ему удовольствие? Столько учиться – и стать сторожем?! Нет, что угодно, только не ЧОП!

Ему уже двадцать девятый год. Вырос до командира отряда. А далее? Перспектив никаких. Кому за тридцать, считаются бесперспективными, предлагают писать рапорт на увольнение...

Что это он беспричинно нюни распустил? Ему еще служить да служить, летать и с неба звезды хватать. Орден Мужества в Чечне получил. Родители гордятся им. Знает ли о нем Тоня? Где она теперь? Хоть и стервой оказалась, а любил он ее всем сердцем. Что ее заставило встречаться с Медведевым? Ведь любила Геннадия. В последний год учебы Геннадия приезжала к нему во время летних каникул в Петровск. Здесь же в городе жила ее старшая сестра Наталья, была замужем за старшим лейтенантом Соркиным, летчиком-инструктором. У них имелась двухкомнатная квартира, муж Натальи в это время находился в командировке в Чечне. Тоня поселилась в гостинице, недалеко от казармы, где обитал Геннадий. У курсантов в это время шли экзамены, Геннадий, игнорируя вечерние консультации по теории полетов (неплохо усвоил этот предмет еще в тербате – так назывался батальон первоначального, теоретического обучения), бежал в номер к возлюбленной. Так здорово и сладко проводили они время! На последней консультации преподаватель обещал огласить экзаменационные

билеты, и Геннадий сообщил Тоне, что не сможет прийти в этот вечер. Но случилось так, что преподаватель не явился, и Геннадий после ужина поспешил в гостиницу. И каково было его удивление: у номера, который снимала его пассия, толпились администраторша, дежурная по гостинице и две солидные дамочки, проживающие по соседству с Тоней. А из номера доносились звуки скандала и непонятная возня.

Геннадий подошел к двери и увидел картину, чуть не свалившую его в обморок: Тоня и какая-то женщина таскали друг друга за волосы, вопили и ругались, а лейтенант Медведев, летчик-инструктор училища, растаскивал и уговаривал их прекратить драку, твердя одно и то же: «Перестань, Рита, я дома все тебе объясню!» Но Рита не выпускала из рук волосы Тони и орала: «Я убью твою стерву! Не будет лезть в чужую семью!»

Геннадий не верил своим ушам: Тоня – любовница Медведева! Не может быть! Хотя о лейтенанте он слышал ранее – первостатейный ловелас, женился год назад и продолжает по девочкам шастать, почти всех десятиклассниц из соседней школы перепортил. Но когда Тоня с ним познакомилась? Еще в Балашове, когда студенткой была? Не может быть, так любила Геннадия, на танцы каждую субботу в Дом офицеров приходила...

Он, не отдавая себе отчета, ринулся в номер и помог вырвать Тоню из цепких рук жены лейтенанта. Тот сразу же вытолкнул Риту из номера и, упиравшуюся, потащил к выходу.

– Я глаза тебе, сука, выцарапаю и морду кислотой сожгу! – кричала, вырываясь, разгневанная женщина.

Тоня, не глядя на Геннадия, поправила растрепанные волосы и глухо выдавила:

– Уходи. Потом объясню.

«А что объяснять? – грустно усмехнулся Геннадий. – Все ясно». Повернулся и пошел из номера.

– Курсант каждый день к ней приходил, – услышал он сзади пояснение администраторши своим соседкам. – Такой симпатичный, миленький.

– Лейтенант – тоже ничего, – засмеялась другая.

– Бедная жена, – вздохнула третья.

Геннадий почти бегом покинул гостиницу. Было так стыдно и обидно, что еле сдерживался, чтобы не вернуться и не отвесить пощечину прелюбодейке. Так обманывать его! Приехала во время каникул, отдав предпочтение ему, а не родителям... Ему ли?... Вот ненасытная сука! А он-то губы раскатал, собрался жениться! Грудь разрывала обида и боль. Как же так можно? И она мечтала уехать с ним хоть на край света из немилых и захолустных Гривок.

Надо было сосредоточиться на экзаменах, а мысли о Тоне вытеснили все у него из головы. Почему она так поступила? Любила его или притворялась? Что ей давала эта встреча с Медведевым? Ведь знала она, что он женат. Чем не устраивал или не удовлетворял ее Геннадий? Он, во всяком случае, никогда этого не замечал. Она отдавалась ему с упоением и осыпала поцелуями за доставленное удовольствие. Так в чем же дело?..

Он думал о ней днем и ночью и экзамен по теории полета сдал лишь на четверку, хотя знал этот предмет как свои пять пальцев. Решил все-таки позвонить ей. Телефон молчал. Дежурная по гостинице сообщила, что Митрохина Антонина Георгиевна съехала из номера...

Вот и теперь он ворочался в постели, воспоминания рисовали волнующие эпизоды из его прошлой жизни. Он и теперь любил свою Синеглазку, как называл ее с нежностью, и жалел о произошедшем. Хотелось снова увидеть ее и узнать, как она живет, счастлива ли. Во всяком случае, плохого он не желал ей.

НЕОПОЗНАННЫЙ ОБЪЕКТ

Команда на вылет поступила вечером, после ужина, когда Геннадий со своими ведомыми гонял шары в бильярдной. Он ждал этой команды и запретил летчикам употреблять в ужин даже пиво. Погода налаживалась. Южный циклон продолжил свое движение на северо-восток, и центральная часть Европы оказалась в теплом секторе, температура воздуха поднялась за 20 градусов. К утру небо окончательно очистилось от облаков, и лучи солнца засверкали в лужах, на еще мокрых листьях деревьев. Это радовало летчиков – легче будет держать строй, – но не расхолаживало: понимали, при такой погоде болтанка будет изрядная, если отдел перелетов даст высоту не более пяти тысяч.

Геннадий зашел на метеостанцию. Дежурный метеоролог выписал бюллетень погоды по маршруту: переменная облачность до 8 баллов; после одиннадцати местами образование мощно-кучевой и грозовой облачности с нижней кромкой около ста метров, верхней – до 9 тысяч.

– Надо вылетать как можно раньше, – принял решение Геннадий.

Однако, когда летчики заняли места в кабинах, разрешения на взлет не поступало, и диспетчер после неоднократного запроса Геннадия, в чем дело, ответил в сердцах:

– Сколько можно повторять: ждите! Не вы одни летите по маршруту, и не я распоряжаюсь всем небом.

Команда на взлет поступила после одиннадцати, когда небо запестрело уже кучевыми облаками, быстро набухавшими за счет обилия влаги.

– Интервал и дистанцию держать сто пятьдесят, – распорядился Геннадий.

Эшелон группе, как и предполагал Геннадий, дали 5 тысяч. Бомбардировщики шли клином, и Геннадий изредка косил глаза влево и вправо; летчики Соболев и Кононов твердо держали строй.

До Барнаула оставалось километров двести, когда впереди на небе стали вырастать гроззовые облака с «наковальнями» вверху. Пришлось маневрировать, обходя их то слева, то справа. «Фронтальные, – мысленно сказал себе Геннадий. – Хорошо, что не сплошные, пробивать их, что дразнить разъяренного тигра...» Посмотрел повнимательнее вперед, вверх, вниз, и вдруг заметил, как из-за тучи, словно огненный шар, выкатился непонятный объект и покатился наперерез тройке «Су-24».

– Внимание, «Соколы», вижу впереди неопознанный объект, вроде небольшого солнца. Двигается наперерез. Постараемся обойти. Как поняли?

В наушниках так трещало, что Геннадий сомневался, что его слышали.

– Тридцать третий понял, – тут же отозвался Соболев.

– Тридцать четвертый понял, – подтвердил и Кононов. – По-моему, командир, это шаровая молния.

– Похоже. Но движется она не строго по курсу и неравномерно.

Огненный шар действительно замедлил скорость и круче подвернул к самолету Геннадия. Летчик дал рули и педали влево, вниз, стремясь под шаром проскочить вперед. Но шар еще энергичнее стал приближаться, тоже снижаясь и грозя столкнуться. Такое столкновение ничего хорошего не обещало. Тело Геннадия покрылось холодным потом. Что делать? Потянул штурвал на себя, самолет круто полез ввысь. И шар стал набирать высоту.

– Может, из пушки? – подсказал Соболев.

Геннадий уже подумал об этом. До шара оставалось метров двести. Надо подворачивать... Как поведет себя этот непонятный объект? Не рванет ли так, что вся троица рассыплется на кусочки?

Нажал кнопку микрофона, доложил на КДП. Там онемели от такого сообщения и молчали. Тоже, видно, не знали, что делать. А огненный шар все приближался. То замедлял скорость, то увеличивал, будто дразнил летчиков.

Геннадий сделал еще две попытки уклониться от встречи, и это, похоже, ускорило решение проблемы – шар увеличил скорость, двигаясь наперерез. Когда он приблизился на десяток метров, Геннадий изо всей силы хватил на себя штурвал и... полыхнувшее пламя ослепило его и оглушило. Он ничего не видел и не слышал, наверное, несколько секунд. Когда пришел в себя, первое, что осознал, – это слепая приборная доска. Ни одна стрелка прибора, ни одна цифра не светилась. И двигатели будто молчали. Но самолет летел, кучевые облака слева и справа показывали, что движение равномерное, без крена и падения. Загудели двигатели – будто из ушей вылетели пробки, – похоже, двигатели и не глохли? Летчик попробовал пошевелить штурвалом и педалями, машина моментально среагировала. Нажал на кнопку радиостанции: «Соколы, Соколы!» – будто в пустую бочку.

А скоро идти на посадку. Как же связаться с аэродромом? Да и без указателя скорости свой самолет посадить непросто. Что с ведомыми? – от этой мысли Геннадия снова обдало холодом. Он посмотрел влево, назад. Самолет Соболева находился на своем месте, лишь отстал еще дальше. И «Су-24» Кононова летел как ни в чем не бывало. «Уж не схожу ли я с ума? – мелькнуло в голове у Геннадия. – Или вздремнул я на минутку? Но приборная доска... Она не светилась ни одной стрелкой. – Приподнял с губ кислородную маску и сразу почувствовал запах гари. – Нет, не вздремнул»...

Покачал крыльями. Соболев и Кононов ответили ему и пошли на сближение. Поняли, что неопознанный предмет вырубил электропитание радиоприборов.

«Сушка» Соболева подошла на пару десятков метров, хорошо было видно пилота, и Геннадий подал ему знак рукой выходить вперед и занять место ведущего. Соболев закивал, и его самолет резво пошел вперед. Тройка «Су-24» произвольно перестроилась в правый пеленг. Геннадий несколько успокоился: будет держать скорость по ведущему. По его действиям придется и совершать посадку.

О случившемся Соболев, несомненно, сообщил на КДП, чтобы обеспечили посадку с ходу. Но то ли его не поняли, то ли по другим причинам, группе приказали пройти над аэродромом и сделать круг. Пока самолеты виражировали, вдоль взлетно-посадочной полосы выстроились пожарные и санитарные машины, а к КДП подъезжали все новые легковые машины. Неопознанный предмет, похоже, наделал и на земле много шума.

Геннадий не ошибся. Едва он зарулил на стоянку, где ему сразу было определено место, и ступил на землю, как его окружили местные начальники аэропорта, летчики и журналисты, непонятно от кого получившие информацию. Посыпалось столько вопросов, что Геннадий не знал, как на них отвечать. Он сам до сих пор вразумительно не представлял, что произошло в небе, почему и как он остался жив.

– Дайте мне прийти в себя, – сказал он представившемуся начальнику аэропорта Семиречину Юрию Семеновичу. – Поговорим в гостинице, когда я осмотрю самолет.

– Хорошо, – согласился представительный начальник. – В семнадцать часов я буду у вас.

16 АВГУСТА В ЧЕЧНЕ

Осмотр всех трех самолетов перелетной группы почти ничего не прояснил. Да, на самолете Геннадия предохранители всех пилотажно-навигационных и телерадиоприборов сгорели, на консолях крыльев и хвостовом оперении обнаружены следы цветов побежалости. Но что в самолет ударила шаровая молния, никто утвердительно сказать не мог. Неопознанный объект оставил много вопросов и вызвал интерес чуть ли не у всего населения Челябинска, проинформированного телевидением и радио. Больше всех сообщение доставило беспокойства Геннадию. Мало того, что надо было менять многие приборы на самолете, к нему потоком шли любопытные. Журналисты буквально атаковали его, и никакие доводы, что он сам еще не разобрался, что произошло, их не убеждали; каждый хотел услышать о происшествии в небе от непосредственного свидетеля.

Уже на другой день появились статьи в газетах с портретом капитана Голубкова, в которых, хотел он или не хотел, его называли героем.

– Как в том анекдоте про спасателя утопающего, – сказал Геннадий, передавая газету Захарову. – «Герой-то герой, только какая сволочь с моста меня толкнула...»

– Да, – вздохнул Василий. – Удивительно, как мы остались живы? Считаю, дважды рожденные.

– Трижды, – возразил Геннадий. – Второй – в Чечне, когда в горах освобождали наших разведчиков, попавших в окружение. Помнишь?

– Еще бы.

...16 августа из радиоперехвата нашему командованию стало известно, что из населенного пункта Чабанмахи в Дургели должен выйти транспорт с боевой техникой. Хотя над раскодированием информации пришлось поломать голову, поверить в нее сразу не рискнули: боевики не раз специально передавали «дезу». Но и нельзя допустить, чтобы бандиты получили подкрепление.

Надо произвести разведку.

Местность здесь гористая, покрытая лесом. Проселочные дороги петляют меж скал и деревьев, как в тоннеле, и рассмотреть их с высоты полета непросто. 16 августа днем по указанному маршруту летали два экипажа «Су-24». Обнаружить ничего не удалось. Надо лететь и ночью...

Командир эскадрильи подполковник Синицын принимает решение послать на задание экипаж Геннадия Голубкова. Фронтовой бомбардировщик, он же и ночной разведчик, вылетел за час до рассвета. Если боевики действительно собираются прийти на помощь окруженной в лесу группировке, границу постараются пересечь ночью. Значит, к Дургели транспорт подойдет к рассвету.

Ночь была звездная, и над речками в ущельях из-за выхолаживания образовался туман. Он расползлся по низинам, к подножию гор. Дорогу к Дургели, затянутую серой пеленой, Геннадий скорее ощущал, а не видел. Вел свой боевой ночной разведчик, ориентируясь по карте да по появляющимся то слева, то справа горным перевалам. На умном, всевидящем экране тепловизора, кроме еле заметной колеи среди деревьев, никого и ничего не высвечивалось. Штурман Василий Захаров тоже не отрывал взгляда от тепловизора.

Прошли от самой границы до Дургели, где закрепились бандиты. Что они не дремлют, подтвердили потянувшиеся к самолету огненные трассы.

Геннадий крутым виражом лег на обратный курс. Прошел еще раз чуть ли не до самой Чечни. На одном участке дорогу прикрывали нависшие скалы, пилоту показалось, что там что-то есть. Развернулся не сразу. Отошел чуть в сторону, чтобы заглянуть под скалы. И теп-

ловизор, чудесный помощник, показал приткнувшиеся к самой стене транспортные средства.

«Молодец, Геннадий Васильевич, – похвалил себя пилот. – Теперь подумай, как выкурить боевиков из этого укрытия. Скалы – надежная защита, и удар может оказаться малоэффективным... Собственно, зачем выкуривать? Они сами торопятся на помощь собратьям. Дадим им такую возможность».

И пилот увел «Су-24» по распадку за небольшую горушку, чтобы его не было видно и слышно.

– Вася, ну-ка прикинь, сколько машинам ползти вон до той полянки, – попросил командир штурмана.

– Ну, если учитывать, что больше тридцати по такой дороге они не разовьют, то минут через десять доберутся.

– Вот и хорошо.

Ровно через десять минут самолет выскочил на ту самую полянку, через которую пролежала дорога в Дургели. И вовремя – шесть автобусов с боевиками без огней двигались в сторону опорного пункта.

Штурман записал увиденное на видеоаппаратуру, и Геннадий направил «сушку» в район Чабанмахи. Здесь удалось заснять зенитные установки и минометные расчеты на боевых позициях, фортификационные сооружения, автомашины.

К рассвету у начальника разведки имелись полные данные о расположении и наличии боевых средств противника. Потребовалось несколько минут, чтобы в небо поднялась тройка бомбардировщиков и нанесла удар по этим позициям.

Транспорт был сожжен, не дойдя до Дургели, многие боевики уничтожены.

А на другой день Геннадий получил задачу оказать огневую поддержку разведывательной роте, попавшей на высоте горы Чабан в окружение боевиков, вооруженных минометами, гранатометами, снайперскими винтовками.

Погода в этот день не благоприятствовала: с утра начали разрастаться мощные кучевые облака, грозя разразиться грозами и ливнями. Вершина горы Чабан уже была в «шапке». Что ж, под этой «шапкой» тоже можно будет укрыться в случае интенсивного обстрела. А что обстрел будет сильный, сомневаться не приходилось.

На помощь разведчикам решено было послать два «Су-24». Следовало уточнить на маршруте боевую и метеорологическую обстановку. Первым вылетел Голубков.

Здесь, как и на маршруте от Чабанмахи до Дургели, рельеф местности отличался особой сложностью – горы, узкие распадки и перевалы, плюс облака, – приходилось вести самолет на малой высоте, лавируя между скал, и от напряжения пот ручьем лился по лицу.

На боевые порядки бандитов выскочили внезапно. Под фюзеляжем самолета мелькнули позиции огневых точек – минометов, крупнокалиберных пулеметов, траншей с боевиками. Ни пилоты, ни бандиты не успели произвести ни одного выстрела. Но теперь те и другие изготовились к бою.

Высота полета была предельно малой, и наносить удар ракетами нельзя – осколки срикошетят по самолету. Придется обойтись только крупнокалиберным пулеметом...

Боевики ожидают появления самолета с запада, куда улетел разведчик. Справа и слева горы, так что развернуться, кроме этой долины, нигде. А надо... Есть впереди одно узкое ущелье. Очень узкое, и вряд ли какой пилот рискнет тут заниматься эквилибристикой. А он, Геннадий Голубков, рискнул. Не зря учился летать по-истребительски. И разведчик-бомбардировщик появился совсем не с той стороны, с которой ожидали боевики. Огненные трассы впились в группу боевиков, мечущихся у миномета.

Одна огневая точка прекратила существование. Правда, с других позиций по самолету открыли огонь из стрелкового оружия, но «Су-24» скрылся в облаках. А спустя несколько

минут снова появился над позициями и нанес новый удар по другой огневой точке. Потом еще раз, и еще.

Когда отошли от цели, сработала противопожарная система. Приятный женский голос сообщил очень неприятное: пожар в правом отсеке двигателя. Если пламя дотянется до топливного бака... Найти посадочную площадку в горах – что втиснуться в берлогу со спящим медведем... Геннадий включил противопожарную систему, но милая женщина твердила свое: пожар в правом отсеке двигателя. Пришлось отключать систему питания правого двигателя. Сразу же почувствовалось, как отяжелел самолет и сбавил скорость. Лететь на одном двигателе между скал, где то и дело приходится маневрировать, все равно, что бежать по минному полю...

И все-таки Геннадий дотянул «сушку» до своего аэродрома.

За смелые и решительные действия, за летное мастерство капитан Геннадий Голубков был награжден орденом Мужества...

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Исследование самолета обещало задержку перелета на несколько дней, если не недель. Синицын принял решение – Соболеву и Кононову вылететь самостоятельно. И Геннадия томительные дни пришлось коротать со своим летчиком-штурманом Васей Захаровым.

На четвертый день их вынужденного бездействия после обеда Геннадий лег отдохнуть и почитать взятый в дорогу роман Анатолия Иванкина «Конец гончих псов», начатый еще в Бутурлиновке, захвативший его острым сюжетом и зримо выписанными героями. Василий ложиться отказался: «И так все бока уже отлежал», – и отправился по достопримечательным местам города.

Геннадий так увлекся чтением, что не сразу понял, что это за стук в дверь, разрешил войти с запозданием. Он лишь приподнялся на диване, ожидая увидеть дежурную по гостинице, пожаловавшую либо убрать в номере, либо с каким-то вопросом. И чуть не вскочил от неожиданности и удивления: в номер вошла Тоня. Тоня, его прежняя возлюбленная! Она была в светло-голубом плаще, из-под такой же беретки выбивались золотисто-русые волнистые волосы. Лицо чистое, как яичко, чуть подкрашенные губы изогнуты в милой улыбке; голубые очаровательные глаза – таких он никогда и ни у кого не видел – смотрели на него тепло и доверчиво, как раньше. Ему хотелось вскочить, броситься к ней и заключить в объятия. Но ноги его будто приросли к полу, тело одеревенело. «Что со мной происходит?» – невольно мелькнула мысль. Непонятное в небе, теперь здесь. Уснул он или бредит, или просто какое-то наваждение? Тоня никак не могла оказаться здесь. Не могла знать, где он...

– Что, не узнал? – услышал он ее мягкий голос. – Я сильно изменилась?

Он отрицательно помотал головой. И тело, кажется, ожило. Он встал, сделал к ней шаг.

– Не верю своим глазам, – произнес наконец. – Ты стала еще красивее. Какими путями?

– Я живу здесь, – ответила Тоня. – Прочитала о тебе в газете, думала, однофамилец, а когда увидела твой портрет, обрадовалась и решила во что бы то ни стало повидаться с тобой и рассказать о том, что произошло в Петровске.

Не сон и не наваждение.

– Раздевайся, я сейчас кофе или чай закажу, – запоздало засуетился он.

– Нет, – помотала головой Тоня. – Оденься, пойдем куда-нибудь. Я с трудом переступила порог гостиницы, с тех пор видеть их не могу. Посидим, поговорим. Ради этого я бросила все и помчалась к тебе. Не оправдываться, но ты должен знать, что случилось тогда.

Геннадий надел летную форму. Тоня внимательно осмотрела его с ног до головы.

– Ты стал еще симпатичнее, представительнее и мужественнее. Только вот прядка седых волос выскочила.

Геннадий глянул на себя в зеркало. Действительно, слева от лба к затылку тянулась седая полоска. А он и не видел. На миг вспомнилась вспышка в небе. Как он остался жив?.. Обнял Тоню крепко, как бывало раньше, и поцеловал, пряча в складках плаща выступившие на глазах слезы.

Они вышли из гостиницы, и Тоня повела его по малолюдной улице довольно немаленького и запруженного автомобилями и троллейбусами города. Стала неторопливо, с грустью рассказывать:

– Я говорила тебе, что в Петровске жила моя сестра Наталья. Она два года назад вышла замуж за старшего лейтенанта Сорокина. А до этого встречалась с курсантом Медведевым. Любила его, и он вроде бы был от нее без ума, обещал после окончания училища жениться. Но незадолго до выпуска его пригласил к себе домой командир полка, помочь с ремонтом то ли машины, то ли гаража. Медведев, конечно же, отказать не мог. Был воскресный день, они управились в гараже до обеда, и командир пригласил курсанта в дом перекусить. Даже

бутылку водки на стол поставил. За столом к ним присоединились жена командира и перезревшая дочка, растолстевшая не по годам. Ей было двадцать пять, а выглядела на все тридцать. И лицом довольно ординарная. Работала врачом в училищной поликлинике. Папа, разумеется, познакомил дочку с перспективным лейтенантом (ради чего и было приглашение Медведева) и пожурил при нем ее, засидевшуюся в девках:

– Очень уж скромная и несмелая наша Рита. Сколько раз говорил ей, чтобы сходила в Дом офицеров на танцы, познакомилась бы с кем-то, ни в какую. Ты, Миша, возьми над ней шефство, выведи ее в люди.

Миша, послушный курсант, не посмел отказать командиру. Теперь выходные проводил только с ней. Не знаю, как уж получилось, но пышногрудая девица затащила Мишу в постель, а потом заявила, что забеременела. Послушный курсант понимал, какие его ожидают неблагоприятные последствия после окончания училища, и сделал Рите предложение. Встретился с Наташей и со слезами на глазах объяснил, в какую безвыходную ситуацию попал.

Наташа не стала его упрекать. Пожелала счастья, и они расстались. Медведева после получения офицерского звания оставили в училище летчиком-инструктором, перевели в Петровск. Наташа в отместку возлюбленному тоже не стала бегать по танцулькам, вышла замуж за коллегу Медведева, старшего лейтенанта Сорокина. И тоже оказалась в Петровске. Как-то встретила на улице Мишеньку, поговорили, и любовь вспыхнула снова...

– Вот мы и пришли, – прервала Тоня свой рассказ, останавливаясь у кафе «Встреча». – Зайдем, только ненадолго, я ведь теперь тоже замужем.

– Счастлива? – вырвался у Геннадия вопрос.

– Не жалуюсь, – без всяких эмоций ответила Тоня. – Евгений, муж мой, вполне порядочный человек, любит меня. Мы понимаем друг друга и живем дружно.

Кафе было непрезентабельное, и народу немного; Геннадий и Тоня устроились в уголке, заказали кофе и пирожное – так пожелала Тоня. Пригубляя горячий напиток, бывшая его возлюбленная продолжила рассказ:

– Я тогда остановилась в гостинице, потому что не хотела, чтобы кто-то был свидетелем наших интимных отношений, даже сестра. Но я, разумеется, навестила ее и рассказала, к кому приехала. Она, когда ты сдавал экзамены, зашла ко мне в номер. А потом попросила разрешения встретиться там с Медведевым. Я не могла отказать. Когда Михаил пришел, я оставила их одних, всего на час, как просила Наталья. На другой день такое свидание повторилось. И на третий. А кто-то из дежурных хорошо знал Риту, врача местной поликлиники, жену Медведева, и тут же информировал ее. И вот на третий день, когда я вернулась в номер, Михаил собирался уже уходить. Наташа зашла в ванную, и в это время в номер ворвалась Рита. Как разъяренная дворняжка бросилась на меня. Михаил никак не мог справиться с ней. И тут появился ты. Далее все тебе известно. Объяснить все сразу я не могла, не хотела выдавать Наташу. У нее все обошлось, а я... а я потеряла тебя. – Тоня замолчала.

Геннадий не знал, что сказать. Он был потрясен услышанным. Так все нелепо вышло. И он тогда поспешил уйти, чтобы не видеть лица изменщицы. Опомнился спустя несколько часов, позвонил, когда Тоня уже покинула гостиницу. На душе и теперь стало так гадко, что он не выдержал, заказал себе водки и Тоне вина. Раньше она любила «Мускат», но в этот раз пить отказалась. Геннадий не настаивал.

Проговорили почти час, пока Тоня не спохватилась:

– Мне пора.

Геннадий расплатился, и они вышли на улицу.

– Дальше я пойду одна, – сказала Тоня. Поцеловала его в щеку. – Ты веришь мне?

– Ты это о чем? – переспросил он.

– О том, что я тебе не изменяла.

– Какое это теперь имеет значение? – вздохнул он.

– Для меня имеет. Вряд ли мы встретимся еще. И мне не хотелось бы, чтобы ты плохо обо мне думал.

– Я люблю тебя по-прежнему.

Она еще раз поцеловала его в щеку, быстро повернулась и зашагала в противоположную от гостиницы сторону. Он смотрел ей вслед и любовался стройной фигурой, обтянутой элегантным голубым плащом, голубой береткой, из-под которой по плечам рассыпались очаровательные волнистые русые волосы.

НЕЖДАННОЕ

Тоня не оставила ему свой телефон, да и ее слова: «Вряд ли мы встретимся еще», ставили точку в их отношениях. А на душе стало так тоскливо, словно он потерял родного человека. Он все еще любил ее. Может, сильнее прежнего. И дни ожидания восстановления его самолета стали пыткой. Он не находил себе места, ночью не мог уснуть, а если и засыпал, то на несколько минут; просыпался от кошмарных сновидений, будораживших нервы, предвещавших недоброе. Теперь он верил в сновидения и вспоминал, как в детстве бабушка умела разгадывать ночные видения, убедился, что есть что-то в природе, умеющее заглянуть в будущее.

Тоня не звонила. Его напарник Вася Захаров познакомился в парке с «потрясной чувихой» и во второй половине дня, когда становилось ясно, что никаких команд уже не поступит, отправлялся на свидания. Геннадий пытался читать, но даже увлекательная повесть «Конец гончих псов» не заслоняла образ Тони, малейшие подробности их встречи. За неделю, с тех пор как она ушла, он изрядно измаялся и по вечерам, чтобы затушевать горькие думы, пил водку. Он уже потерял надежду на вылет, когда позвонил из Бутурлиновки Синицын, уже вернувшийся из Комсомольска-на-Амуре:

– Возвращайтесь домой. Ваша «сушка» остается в Челябинске для дальнейшего изучения...

Геннадий, предупредив Василия, помчался в кассу за авиабилетами. И снова неудача, будто кто-то за что-то наказывал его.

– Самолеты не летают, нет пока топлива, – ответила ему кассирша.

Пришлось возвращаться в Бутурлиновку на поезде.

Очередной удар ожидал Геннадия и его подручного в родной части. Начальник штаба эскадрильи майор Штыркин (Синицын убыл в штаб ВВС) сообщил им, что эскадрилья, поскольку неизвестно, когда появятся самолеты, подлежит расформированию. Более молодые летчики, вероятно, будут переведены в другие части, а кому за тридцать и около этого – представлены к увольнению.

– Вам Синицын приказал предоставить отпуск, – сказал Штыркин. – У врача есть путевки в санаторий, можете воспользоваться.

– Да пошли вы со своими путевками! – со злостью взмахнул Василий рукой. – Нам хозяйка квартиры велела искать другой угол, к ней возвращается сын, тоже бывший офицер, уволенный в запас. А где я угол в этом говенном городке найду?

Начальник штаба лишь пожал плечами...

Геннадий сразу же зашел в отдел кадров и оформил отпускной билет. У врача действительно имелись путевки в Сочи, Ялту, Алушту, Геленджик. Геннадий выбрал Сочи – бывал там ранее и город ему нравился, хотя теперь, понимал, из-за подготовки к Олимпиаде 2014 года вряд ли там будет спокойно. А ему хотелось покоя.

В Сочи он прилетел 10 октября. Погода стояла как по заказу: чистое небо, яркое, но нежаркое солнце – температура воздуха 24 градуса, – на море мелкие волны, манящие в сверкающую блестками голубую пучину. Время – одиннадцатый час.

Геннадия определили в двухместный номер. Сосед отсутствовал, видно, загорал уже и купался, и Геннадий быстро переоделся в спортивный костюм, отправился на пляж.

Отдыхающих здесь было немного, в основном пожилые; ни одного смазливового женского личика. Что ж, придется и здесь довольствоваться воспоминаниями. Он взял шезлонг, попрыгал на гальке, разминаясь, и нырнул в обжигающую холодом воду. Проплыл метров двадцать и повернул обратно. Вышел на берег и лег в шезлонг. Отогнал от себя все думы и задремал. Даже не задремал, а уснул. И снова ему приснился странный сон: симпатичная

женщина, незримо похожая на Тоню: такие же, с неповторимым рисунком губы бантиком, большие, только не голубые, а агатового цвета глаза будто ощупывали его, и женщина спрашивала, что у него болит, как он себя чувствует после перенесенного удара шаровой молнии. Проснулся и подумал с сожалением: надо же было именно ему угодить в этот огненный шар! Столько он наделал неприятностей. До сих пор доставляет неожиданные в его жизни перемены. Что еще светит ему впереди? Подумал так с легкой иронией над собой – совсем стал суеверным.

А зря усмехался. Вернувшись в номер на обед, увидел на тумбочке записку:

«Уважаемый больной Геннадий Васильевич! Зайдите обязательно к лечащему врачу Забелиной Людмиле Петровне. 6-й кабинет».

«Вот уже и больным окрестили, – усмехнулся Геннадий. – Что ж, зайду».

Постучал в указанную дверь.

– Войдите, – услышал приятный, мягкий голос.

А когда открыл дверь, остолбенел: перед ним была женщина в белом, с неповторимым рисунком губ бантиком, чем-то отдаленно похожая на образ в сновидении.

– Здравствуйте, – поздоровался он осипшим голосом, остановившись у входа.

– Здравствуйте, – ответила женщина в белом. – Проходите, присаживайтесь, – указала на стул около стола. – Вы – Голубков Геннадий Васильевич?

– Да, тот самый Голубков Геннадий Васильевич. Совсем не больной, а отпускник, отдыхающий, – ответил с улыбкой, сравнивая врача с увиденной во сне женщиной.

Забелина пропустила его замечание мимо ушей, внимательно окинула взглядом с ног до головы.

– Тот самый Голубков Геннадий Васильевич, о котором писали газеты и рассказывало радио?

Он смотрел на врача широко открытыми глазами – она читала и слышала о нем?!

– Да, это обо мне писали; к сожалению, без моего согласия.

– Почему же к сожалению? – возразила Забелина. – Очень интересный и необычный случай. И как вы себя чувствуете?

– Отлично себя чувствую. Сон, правда, плохой. – Подумал, рассказать ли ей о последнем странном сновидении? Почему – нет? Она врач, симпатичная, милая, сразу понравилась ему. Может, что-то дельное подскажет. – И сновидения всякие. Кстати, вас вот увидел во сне, когда на пляже задремал. Хотя ранее нигде и никогда вас не видел.

– Серьезно? – удивилась Людмила Петровна; удивление сменилось улыбкой – не поверила.

– Вполне. Честное слово. И вопрос вы задали такой же: как себя чувствую.

– Интересно, – более откровенно усмехнулась Людмила Петровна. – Что ж, попробуем разобраться, какие следы в вашем организме мог оставить тот самый неопознанный страшный объект.

Только этого не хватало! Мало того, что в Челябинске ему пришлось пройти обследование в военной поликлинике и в городской больнице, теперь еще здесь. Хотя, признался он себе, встреча с Людмилой Петровной была ему приятна. Они подолгу разговаривали, вначале на медицинские темы, о результатах исследования, а потом врач стала интересоваться его работой, полетами, боевыми действиями в Чечне. Они находили общие интересные темы и вскоре поняли, что близкие по характеру и душевному настрою люди. Людмила Петровна рассказала и о себе: ей 30 лет, замужем, дочке семь лет, учится в первом классе. Муж – моряк, капитан третьего ранга, находится в дальнем плавании. А через несколько дней он снова увидел ее во сне: она звала его куда-то, а он не решался – чужая жена.

Геннадий при очередном визите к врачу рассказал о еще одном странном сновидении.

Людмила Петровна выслушала его, подумала и призналась:

– Накануне я действительно думала о вас. Не зря говорят о телепатии, наверное, мои мысли передались вам.

– Мне очень приятно с вами, – открылся Геннадий. – Может, посидим как-нибудь не в служебном помещении? Я еще не был ни в одном вашем ресторане, а в «Морском прибое», говорят, отлично готовят рыбные блюда из только что выловленной рыбы.

– Хорошо, как-нибудь посетим. Завтра я дежурю, приходите ко мне после одиннадцати, когда все угомонятся.

Он обрадовался приглашению.

– Можно прихватить чего-нибудь покрепче кофе?

Она подумала.

– Я на дежурстве. Но рюмочку коньяка выпью.

ЧУЖАЯ ЖЕНА

Ах, любовь! Наконец-то наваждение оставило его, и душу наполнила радость. Люда, такая милая, обходительная, очаровательная. Жаль, что она замужем, но... Не каждого человека брак делает счастливым. Наташа, Тонина сестра, жила с одним, а любила другого. Да и что это за замужество Люды?! Муж большее время в отлучке, в море, на службе. А она молодая, здоровый организм требует любви, ласки, плотского удовлетворения. И тут не ее вина, и не его...

Людмила предупредила дежурную сестру, что будет отдыхать, беспокоить ее в крайних случаях; закрыла дверь на ключ и пригласила Геннадия к небольшому столику с фруктами и бутербродами. Извинилась:

– Я по-простому.

Он поставил на стол бутылку армянского «Араспел» и коробку шоколадных конфет.

– И я. Из закуски ничего не захватил. Вы не голодны?

– Голодна, – усмехнулась чему-то Людмила. – Коньяк фруктами закусывают.

Он расценил ее «голод» по-своему. И когда выпили по одной, по другой и глаза Людмилы загорелись, как два наэлектризованных агата, поцеловал ее, обнял и притянул к себе. Она настойчиво отстранилась.

– Послушай, Гена. Ты очень нравишься мне, – перешла она на «ты», чем обрадовала его. – Но у меня есть муж. Да, он далеко, и мне бывает не только скучно, но и грустно, хочется с кем-то побыть, поделиться своими мыслями. Другого не позволяю. Как я буду смотреть в глаза мужу, если изменю ему? Знаю, другие изменяют и не испытывают угрызения совести. А я вот такая, потом не смогу жить спокойно. Давай останемся друзьями. Налей лучше еще по одной.

Они опустошили всю бутылку. Геннадий несколько раз пытался возобновить атаку на воспламенившую его своей красотой, милыми словами женщину, но она оставалась неприступной.

И все-таки это была упоительная, незабываемая ночь! Они целовались, ласкали друг друга и, казалось, утопали в наслаждении. Возбуждение делало их безумными, уносило в неведомое, неземное, и они забывали от восторга обо всем на свете. Но лишь на мгновение. Едва Геннадий дотрагивался до чувствительных прелестей, Людмила тут же приходила в себя и отстраняла его руку. Наконец не выдержала, взглянула на часы и охнула:

– Пора. Уходи.

– Давай встретимся еще. Я сниму комнату. Там мы будем чувствовать себя свободнее.

Она отрицательно помотала головой:

– Я тебе уже объясняла.

А на другой день ему позвонили из эскадрильи.

– ...Ты где пропал? – спросил начальник отдела кадров капитан Дехта. – Тут у нас такие перемены... Тебя и еще семерых офицеров вывели за штат. Что будем делать? Может, у тебя есть какие-то предложения?

Вот и еще один удар шаровой молнии.

– Какие предложения, – выдохнул он. – Значит, летчики больше не нужны государству? Кадровик молчал.

– Ну и хрен с ним. Увольняйте. Пойду в банду Умарова. Ему нужны летчики. – И бросил трубку.

Вечером встретился с Людмилой. Она сразу почувствовала его плохое настроение. Спросила:

– Что случилось?

Он вначале не хотел откровенничать, а потом рассказал, что его ожидает впереди.

Людмила опечалилась вместе с ним. И вдруг оживилась:

– А хочешь, я тебе помогу?

– Как?

– У меня сестра в Ижевске – крупный предприниматель. Владеет производством мотоциклов, оружия, собирается и автозавод прибрать к рукам. Взяла в аренду аэродром, принадлежавший ранее ДОСААФу, купила два «Ан-72», еще три собирается приобрести. Ищет хороших летчиков. Могу составить тебе протекцию.

– Заманчивая идея, – засмеялся Геннадий, не приняв всерьез предложение.

– Тогда я позвоню сестре...

– Это серьезно?

– Такими вещами не шутят. Хочешь, я при тебе позвоню?

– Звони.

Людмила достала из сумочки мобильник и набрала номер.

– Здравствуй, сестричка. Я не очень отрываю тебя от дел?.. Да, по делу. Вот тут у меня симпатичный летчик. Как тебе известно, авиацию, как и все Вооруженные Силы, сокращают, и он, выходит, свободный казак. Всю эскадрилью сокращают... На каких самолетах ты летал? – обратилась она к Геннадию.

– На «элках», «анках», «сушках», то есть на Су – двадцать четвертых.

– На «Ан-72» летал? – спрашивает сестра... Летал... Уверена – не только симпатичный, но и порядочный. Так и передам: пусть приезжает. Спасибо, сестричка.

На следующий же день Геннадий взял билет на Ижевск. Вечером позвонил своему второму пилоту Васе Захарову. Тот подтвердил, что уже выведен за штат и ищет работу. Геннадий объяснил ему ситуацию и предложил ехать в Ижевск.

– Будем вместе летать по границам, – подсластил он пилюлю.

Василий долго молчал, наконец сказал со вздохом:

– Я слышал об этой фирме. Туда уже уехали наши летчики Навроцкий и Нехайчик. Меня звали, но Муся воспротивилась. Работу не хочет терять, квартиру к концу года обещают. Да и я почти согласился в ЧОП пойти. А что: сутки отработал, трое отдыхай. И оклад не меньше, чем раньше получал.

– Н-да, – вздохнул и Геннадий. – Я думал, ты летчик.

– И я так думал, – почти выкрикнул зло Василий. – А государственные чиновники решили по-своему: важнее олигархов-ворюг защищать, чем наше небо!

– Ладно, защищай олигархов. – Геннадий выключил телефон.

ИЖЕВСК

Он никогда не пролетал над этим городом и считал его чисто провинциальным, если не захолустьем, то, во всяком случае, не европейским городом. И был очень удивлен, когда сошел с поезда и, наняв такси, поехал по проспекту Ленина к центру, где находился офис сестры Людмилы, Ланы Петровны Чудородновой. Слева и справа высились многоэтажные кирпичные и панельные дома, взад-вперед мчались машины, автобусы, троллейбусы; и народ был одет не в национальные одежки, какие Геннадий видел ранее на картинках, а в обычные костюмы, куртки, пальто, плащи. Сыпал мелкий мокрый снежок, и люди, прикрываясь зонтами, торопились по своим делам.

Дорога до центра оказалась не столь короткой, и Геннадий еще раз убедился, что город большой и жизнь здесь кипит не менее бурно, чем в Воронеже, в курортном Сочи или в Москве.

К Лане Петровне попасть оказалось непросто. Пятиэтажное здание офиса было обнесено высоким забором из железобетонных плит; в проходной дежурили милиционеры; один из них проверил документы Геннадия, просветил оружиескателем и позвонил по телефону кому-то, видимо, в приемную Ланы Петровны; лишь минут через десять ему был выписан пропуск и указано, в какой подъезд и на какой этаж пройти.

Поднимаясь на третий этаж, Геннадий все больше восхищался «новой русской»: это был не просто офис, это был настоящий дворец. Все сияло великолепной отделкой – и стены, и колонны, и ступени, и перила блестели, переливались, будто мраморные, разноцветными тонами. Белоснежная приемная с кожаными креслами и диваном, картинами Айвазовского и Верещагина и вовсе шокировала его – в таких приемных ему еще не доводилось бывать. А каков же кабинет? Его даже не удивили двое милиционеров в приемной, находившихся рядом с секретаршей. Потребовали документы и снова просветили его с ног до головы. Указали на диван.

– Подождите. Лана Петровна занята.

Ждать пришлось минут двадцать, пока из ее кабинета не вышли двое солидных мужчин. Немолодая секретарша открыла ему дверь:

– Проходите.

Из описания Людмилы он представлял себе ее старшую сестру, тоже красивую, видную женщину, волевою предпринимательницу, владеющую оружием, мотоциклетным, подшипниковым, мебельным и еще какими-то заводами, что его восхищало и настораживало: волевые люди зачастую жестоки и неуправляемы.

Предпринимательница поднялась ему навстречу, стройная, лет тридцати пяти (старше Людмилы на пять лет, еще красивее и привлекательнее), черноглазая, чернобровая, с чуть продолговатым лицом, больше присущим кавказцам. Белоснежный свитер обтягивал узкие плечи, высокую грудь, тонкую талию. Она улыбнулась ему, как давно знакомому, протянула руку.

– Вот вы какой! – сказала она. – Не зря Люда восторгалась. Я, как и она, тоже люблю летчиков. На каких вы летали?

– На «яках», «элках», на «Су-24». Самолеты не новые, но, слава богу, ни разу не подносили, даже когда ударила шаровая молния.

– Я читала, и Люда мне рассказывала. Прямо-таки в рубашке родились. У нас тоже самолеты неновые. Пока полетаете на этих, потом посмотрим. Так что у вас стряслось, почему уходите из военной авиации?

– Не я ухожу, меня «уходят», – грустно улыбнулся Геннадий. – Обузой мы стали для государства. Сокращают.

– Что ж, с высоты Олимпа виднее. У нас вам будет не хуже. Нагрузка, может, потяжелее, полеты подлиннее, зато и платить будем побольше. Пять тысяч долларов в месяц, не считая командировочных, вас устроит?

– Вполне.

– Тогда отправляйтесь к командиру авиаотряда Аскарову Камиллю Анзаровичу, он располагается в третьем подъезде на третьем этаже в комнате триста пятнадцать, поговорите с ним. Он определит вам место жительства и объяснит особенности работы. Если условия удовлетворят, будем заключать договор.

Аскаров, мужчина лет пятидесяти с густой полоской смоляных волос под большим, горбатым носом, встретил его не особенно приветливо. Осмотрел с ног до головы, указал на стул напротив:

– Слушаю вас.

Геннадий представился, полностью назвав фамилию, имя, отчество. Аскарову, кажется, это ничего не говорило; видимо, Лана Петровна не предупредила его.

– Я прибыл по поводу работы в вашем авиаотряде.

– На каких самолетах вы летали?

Геннадий перечислил.

– Сколько часов налетали?

– Около трех тысяч.

– Давайте летную книжку.

– Я прилетел к вам прямо из санатория. Адрес ваш дала Людмила Петровна. Я связался с Ланой Петровной, и она пригласила. Летные документы остались в части, в городе Бутурлиновка. И на меня только послали документы на увольнение.

– Что ж, когда придут документы, тогда и будем разговаривать, – отрезал начальник отряда.

– Но мне хотелось быть знать, подхожу ли я вам; стоит ли мотаться туда-сюда?

Аскаров подумал.

– Вы у Ланы Петровны были?

– Да. Она к вам направила. Сказала, что вы определите место жительства.

Аскаров набычился, потерял усы.

– У вас же нет еще документов, а вы жить здесь собираетесь.

– У меня еще не кончился отпуск. И я могу пожить здесь, ознакомиться с условиями, посмотреть на самолеты, проштудировать кое-какую литературу.

Аскаров снова подумал.

– Смотреть тут особенно нечего, самолеты старые, всего две единицы. Третий собираемся приобрести. Матчасть, разумеется, знать надо, зачеты я сам буду принимать. И по технике пилотирования. Но это после заключения договора.

– Вот я и хочу удостовериться, стоит ли заключать.

– Вот даже как. А к нам люди просят без всяких сомнений.

– Ну... я принадлежу к другой категории и не хочу раскаиваться после.

– Понятно. В Чечне воевали?

– Приходилось.

– Кажется, я читал о вас или слышал по радио. Что ж, можете присоединиться к уже принятым летунам по улице Ломоносова, дом сорок пять, квартира тоже сорок пять. Там три комнаты, две уже заняты. Можете с кем-то, хотите, в отдельной...

Геннадий целую неделю прожил в доме номер сорок пять, познакомился с летчиками, съездил с ними на аэродром – полетов не было не только из-за метеоусловий (по-прежнему сыпал мокрый снег), но и из-за не оформленных еще документов в Управлении гражданского воздушного флота. Услышал кое-что новое, о чем умолчал Аскаров: летать придется и

за рубеж – в Японию, Польшу, Германию, доставлять туда и оттуда разные грузы. Под словом «разные» коллеги, похоже, подразумевали и незаконные. Но это всего лишь домыслы. В принципе, Геннадию предстоящая работа нравилась. Он в полном удовлетворении отправился в Бутурлиновку за документами.

ВЛАСТЕЛИНА

К возвращению Геннадия в Ижевск компания (именно компания, убедился Геннадий, а не фирма) приобрела еще два самолета «Ил-76» и заключила договор с двумя летчиками, Николаем Соболевым и Андреем Навроцким, которых Геннадий уговорил вступить в фирму Ланы Чудородновой. Камиль Аскарлов укомплектовал экипажи. Перед началом переучивания Лана Петровна распорядилась собрать авиаторов в конференц-зале главного административного здания, где находились и кабинеты Ланы Петровны и Камилы Аскарловой.

Геннадий со своим соседом по комнате, Юрием Лаптевым, пришли в конференц-зал, когда там уже собрался весь отряд авиаторов во главе с командиром. Зал был просторный, человек на сто пятьдесят. Посередине стоял длинный стол, обтянутый зеленым сукном. Некоторые летчики разместились у стола в мягких креслах, другие – вдоль стены на стульях.

Аскарлов сидел в торце стола. Взглядом указал Геннадию и Лаптеву на места за столом. Летчики разместились рядом с бывшими однополчанами – Соболевым и Навроцким. Пожали друг другу руки, и только Геннадий спросил у Навроцкого, как устроился, в зал вошла хозяйка концерна. По военной привычке, а может, по примеру Аскарлова, который тут же поднялся и отошел от торца, авиаторы тоже встали, проявляя свое уважение и признательность Властелине, как многие называли волевою, с твердым характером женщину, во власти которой находилось три крупных завода и три, тоже немаленьких, предприятия.

Властелина прошла к торцу стола, окинула всех внимательным взглядом и поздоровалась.

– Вот вы какие, мои славные, мужественные соколы, – сказала она мягким, веселым голосом. – Мы уже коротко познакомились, а теперь надо поосновательнее. Я расскажу о себе, о своих требованиях, а вы зададите вопросы, что нужно для успешного решения поставленных перед вами задач. Итак, куда вы попали, какие полеты предстоит выполнять. Наверное, многие уже знают, чем занимается наш концерн. Для незнающих повторю: мы выпускаем мотоциклы, ружья, пистолеты, бытовую технику и занимаемся ремонтными работами. Наша продукция, говорю это без бахвальства, пользуется большим спросом и имеет высокую оценку. Мы торгуем не только в нашей стране, но и за рубежом. Мотоциклы, ружья, травматические и малокалиберные пистолеты заказывают Польша, Германия, Турция, Япония. Ранее доставку осуществляли наземным транспортом. Это выходило и дорого, и долго, и неэффективно. Потому было принято решение взять в аренду бездействующий аэродром и закупить транспортные самолеты. Ныне у нас два «Ан-2» уже летают, возят нашу технику в другие города, а оттуда – нужную нам продукцию. Два самолета не справляются. Приобрели еще два, «Ил-76». Наняли еще два летных экипажа.

Сокращение наших Вооруженных Сил, в том числе авиации, дало нам возможность отбирать лучших из лучших, с хорошими аттестациями, большим налетом часов. Но это вовсе не значит, что мы будем довольствоваться вашими прежними заслугами. Покажите себя настоящими профессионалами и у нас. Заранее предупреждаю: дисциплина у нас строгая, нарушений порядка, разгильдяйства не потерплю. Летать будете по ближним и дальним маршрутам, все указания выполнять безукоризненно. С нашими условиями вы уже ознакомились, летный состав расселен по комнатам, технический – вынужден пока снимать частные квартиры. Но это временно. Будем решать и этот вопрос. Вот, собственно, у меня и все. Теперь спрашивайте вы.

– А как со столовой? – поднялся Николай Соболев. – Ходить по разным забегаловкам не очень-то здорово. Да и при срочных вылетах на голодный желудок по шесть часов не очень комфортно.

– Согласна, – кивнула Властелина. – И этот вопрос будем решать. Потерпите, не все сразу.

Поднялся бортовой инженер Макаров.

– Вот вы, Лана Петровна, сказали, что будете решать вопрос с частными квартирами. У меня жена не работает. Снимаем комнатенку у старушки, платим по пятнадцать тысяч в месяц. Это серьезный удар по семейному бюджету. В армии Министерство обороны компенсировало оплату квартир; а как вы, не собираетесь поступить так же?

– Интересный вопрос, – улыбнулась Лана Петровна. – А какой оклад был у вас в армии? Макаров засмутился.

– Понял вас: вы платите нам почти в два раза больше. Вопрос снимаю.

– Поймите меня правильно, – продолжила диалог с бортинженером Властелина. – Мы только раскручиваем бюджет с авиационными перевозками. Аренда аэродрома, закупка самолетов, топлива, оплата диспетчерских служб – все это влетает в копеечку. Наш концерн хотя и имеет популярность, но пока еще не так богат, приходится на всем экономить. Для вас же. И обещаю вам заняться в скором времени решением вопросов с летной столовой, квартирами. Еще вопросы?

Авиаторы молчали.

– Тогда за работу, как говорил известный руководитель. Овладевайте новыми самолетами.

Овладевать транспортными самолетами после бомбардировщиков пришлось основательно. Летчики и авиаспециалисты засели за учебники, по два-три часа тренировались на тренажере, подолгу сидели в кабине самолета, осваивая приборную доску. К Новому году все формальности были завершены, и Геннадия вместе с его прежними однополчанами допустили к полетам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.